Четверть века отделяет нас от событий 1991 года.
Обратимся к свидетельству современника.
Перед нами записная книжка из архива писателя Леонида Лиходеева. Темно-зеленый блокнот с надписью V/O «MACHINOEXPORT» на пластиковой обложке.
Черными чернилами исписаны всего шестнадцать страниц из двух сотен (на каждой — гриф «USSR — MOSCOW»). На первой странице читаем:
«Эта тетрадь лежала без дела много лет. В ней сохранились какие-то вырезки — уже не помню зачем.
Я попытаюсь вести в ней что-то вроде дневника.
Этот год (1991) мне кажется последним годом то ли моей жизни, то ли той жизни, на которую ушли все мои семьдесят лет».
Мгновенно попадаем в атмосферу тех далеких дней: тревожные предчувствия, мрачные ожидания, невероятные предположения и надежда на торжество здравого смысла, который кажется автору столь естественным для человека…
Публикуется с сокращениями.

Последний год той жизни…

Леонид Лиходеев, писатель (1921–1994)

Январь.

26.

Наконец-то мороз.

Указы нашего державного Н***а***большего как раз подоспели. Бастовать трудно, отключать электричество и газ — опасно. Других способов утихомирить правящую ватагу нет.

Депутаты докрикивают свои последние возмущения. Дальше, согласно указам, их будут просто приканчивать...

Один указ — ввести патрули из полицейских и армейских, укрепленных танками.

Но это через неделю.

А пока еще указ: КГБ и МВД могут запросто заходить в любые помещения, кажущиеся им подозрительными, даже в отсутствие хозяев.

Воровская власть узаконила грабежи.

Демократы шумят насчет конституционности. Говорить о Конституции в этой стране — все равно что учить политесу хазу, малину.

Надежда на Запад нелепа.

Ну не пришлют зерна или колбасы. Но у власти достаточно пуль и приказов, чтобы отнять у населения оставшиеся крохи.

После вчерашнего грабежа (обмен денег) последует еще грабеж, и еще, и еще.

Премьер Павлов похож на оккупанта:

Жак Липшиц. Сидящий человек с кларнетом. 1929

– Матка! Яйко давай! Зуп вари курячий!
Это — оккупационная власть.
Едва ли история знала таких свирепых оккупантов, как большевики.
Тысячелетняя гражданская война в России не утихнет никогда.
Может быть, эту бывшую страну, превращенную в озлобленное географическое пространство, цивилизация возьмет на поруки. А может быть, уже и не возьмет.
[…]
У Пуго и Крючкова — лица пойманных за руку шулеров. У Язова не лицо — будка околоточного, глупого, не способного ничего уразуметь. Горбачев похож на отрока, которого застукали за нехорошим занятием.
Янаев ждет своего часа, когда сокрытые до поры придурки намахают уже ненужного им Мишу и посадят паханом Гену.
Горбачев сделал все, чтобы выйти в козлы отпущения. Его будут судить, свалив на него все и ничего не изменив в том, что происходит.

28 янв.
Я не исключаю, даже, наоборот, предвижу грабежи и насилие…
[…]
Между генералами разгорится драка. Стариков будут тузить молодые, молодых — более разумные.
Вот тогда-то, собственно, и возникнет вопрос о земле, о частной собственности — чтобы было, у кого грабить. И это «чтобы было, у кого грабить» сделается основой нарождающейся правильной экономики. Военные, кто поумнее, войдут в долю с предпринимателями и, таким образом, сделаются их защитой сначала от чрезмерных грабежей, а затем и от грабежей вообще.
Военные (и партийные), кто поумнее, увидят, что взятка мало чего стоит рядом с правильным, постоянным дивидендом от правильного производства. Они захотят легализацию своих доходов.
Вот тогда-то и пойдет в распыл подпольная система, установленная в 17-м году, система воровская, а потому непроизводительная.
Если вору некого грабить, если все вокруг уже украдено, он ищет фраера, который бы на него вкалывал. Но если фраер сам — доходяга, вор задумывается, где взять, когда взять негде…
Кто сейчас пахан в этом государстве, я не знаю. Думаю, что не Горбачев.
[…]

29.01.91
Генералы готовятся к предыдущей войне. Предыдущими войнами для сов. Армии были Венгрия, Польша, Чехословакия, Афганистан, Тбилиси, Вильнюс, Рига.
За сорок пять лет после войны Армия не воевала. Она карала безоружных и при партизанском сопротивлении (Афганистан) застревала на десять лет.
Армия растлена, она уже не войско. Она сверхвооруженная ватага, не очень подчиняющаяся начальнику. Да и начальники не знают целей. Они подчиняются в надежде выслужить хоть что-нибудь в бессмысленной своей жизни.
Генералы не верят в опасность врага внешнего. Они заводят себя, чтобы им не урезали бездонные кредиты, которые они хотят по-прежнему разворовывать.
Патриотизм в этой стране всегда был отмычкой к казне.
Статские начальники готовятся к предыдущей экономике. Наиболее умные из них стараются (и с успехом) задушить малейшие проявления новых экономических связей. Собственно, даже не новых, а просто — нормальных.
Не давать населению кормиться, держать его впроголодь — это основа ленинской государственности, то есть система лагерной, барачной пирамиды.

Буш не приедет в феврале. Причина — якобы война в Ираке. На самом деле —

перемена внешней политики Горбачева. Внешняя политика не может долго отличаться от внутренней. Дружба этой системы с уголовником Хусейном естественна. Система всегда, с самого начала выискивала друзей среди уголовников.

Система неконкурентоспособна и дика. Она всегда действовала террором, мошенничеством, вероломством. Она не приспособлена к правовым нормам.

Когда Буш добьет Хусейна (в чем ему будет мешать Горбачев), начнутся за границей интеллигентские дебаты насчет прав человека в СССР. Возможно, к тому времени Горбачева прогонят его нынешние заединщики. Они свалят на него перестройку и возродят старые времена…

… Смертники уже выделяются из общего демократического хора. Это — великие люди. Это люди мужества. Когда-нибудь их причислят к лику святых. А пока их просто начнут убивать.

Страна еще не разгромлена, поскольку еще ходят трамваи и горят газовые плитки. Покончить с этим ничего не стоит. 25-го была проба: выключили свет в нашем районе на 4 часа. И что? А ничего…

Говорят, 17 млн тонн зерна недодано в «Закрома Родины». Должно быть, утаили в колхозах. Возможно, наиболее умные председатели раздали зерно колхозникам. Значит — будут отбирать. Значит — будут жечь хлеб. Значит, впереди все те же разверстка с голодом, тифом, классовой борьбой. Значит, впереди — естественное состояние системы: беспощадная война правящей ватаги против слабоумного населения.

Я смотрю на чистые, честные лица, все еще пытающиеся проникнуть на телевидение. Я слушаю их и мысленно прощаюсь с ними, как прощаются с жизнью. Я стар. Я уже ничего не могу. Жизнь уходит — я это чувствую.

Что будет после нас — Бог весть…

30 янв.

– А что сказал диктор? А как он выглядел: улыбался или нет? Ехидно или не ехидно?

Наступает тьма дезинформации. Совершенно неясно, что с ней делать.

Так называемые левые газеты удручают своей непрофессиональностью. Голые бабы, анекдоты, Кашпировский и тяжкие предчувствия Ельцина.

Генералов покусывают, пощипывают на уровне — сколько он скушал сервелата или сколько он платит за апартаменты.

Официозы клянутся — ничего страшного. Просто будут ходить патрули, чтобы грабители боялись грабить. Про ту часть указов, где позволяется входить когда угодно и куда угодно в помещения — ни слова. Возможно, на первых порах они никуда входить не будут. Но когда начнут — выяснится, что входят по закону. Не исключено, что депутатов не станут пускать ни в Моссовет, ни в «Белый дом», как теперь называют в самоутешение Верховный совет РСФСР.

Власть напоминает раненого медведя. Конечно, он испустит дух, но сначала он задерет незадачливых охотников.

Возможно, Буш намекнул Бессмертныху насчет Прибалтики — дескать, выводите оттуда своих головорезов, иначе будет плохо. Но ввести их назад ничего не стоит.

Республики откалываются одна за другой. Прибалтику Горбачев, допустим, отдаст. Отдаст и Закавказье. И останется Россия — испытательный полигон для истязания властью населения.

2 февр.

Горбачев вызывает в суд Артема Тарасова. Тарасов объявил, что Горбачев собирается продать Японии Шикотан за 200 млрд долларов.

Вообще — похоже.

Запад помогал нам исходя из того, что мы сами с его помощью наладим свое

товарное производство, основанное на нормальных общественных отношениях.

Эти нормальные отношения вытеснили бы партийную шоблу.

Японии нормальных отношений не надо. Она задыхается без сырья. Ей нужно сырье и дешевая рабочая сила. Более дешевой рабочей силы на свете нет, чем у нас. Даже если зарплату утроить (что вызовет восторг у широких масс), это будет самая дешевая рабсила.

Что будет дальше?

Дальше будет все. Бардаки, трактиры, шмутки, пособия по безработице.

Откуда это возьмется?

От сверхэксплуатации природных ресурсов и населения.

Но — ресурсы будут эксплуатировать по новейшей технологии, а население заставят работать с производительностью, близкой к современной. Иначе — выгонят с работы.

А куда девать партию?

В надсмотрщики.

Шобла будет разъезжать не на хамовозах, а на тойотах. Процент эксплуатации будет так высок, что содержать эту шоблу будет очень выгодно. Она будет представлять собою как бы «национальное лицо» возродившейся страны. Ее это вполне устроит. Ее холопское происхождение и холуйское житье-бытье уже готово принять хозяина…

Возможно, Горбачева уберут — слишком много прозападных слов он наболтал. Возможно, ему припомнят и гласность, и демократию, от которых никакого толку не было.

Страна готова стать колонией. Но Запад всегда был жупелом, «империализмом», «капитализмом». Восток же всегда был как бы угнетенным.

Япония будет платить русским туземцам за хорошие мозги. Может быть, столько же, сколько своим.

[…]

4 февр.

У Горбачева остался единственный аргумент в пользу доказательства преимуществ социалистического выбора: автоматы и танки.

… Власть ради власти — единственная задача ленинизма. Убивать, запрещать и держать население впроголодь. С голодными легче управляться.

Не знаю, что будет впредь, если эти преступники закроют газеты и велят больше трех не скопляться. Может быть, им удастся вернуться к рабовладению. Одна надежда (впрочем, весьма слабая) на то, что мир стал иным. Мир-то, может быть, и стал иным, но кровь осталась та же. Утверждение «всех не перестреляешь» — весьма наивно. Всех и не надо перестреливать, достаточно миллиона два, и победа социализма снова будет утверждена.

Голод сделает свое дело. За кулек мокрой каши люди будут предавать, наушничать, врать, доносить, выкручиваться. За два кулька мокрой каши они будут служить режиму.

До сих пор среди прекраснодушных идиотов ходит слух, что Горбачев-де продолжает разваливать систему. Это похоже на многолетнюю веру в коммунизм: еще одна-две трудности, и с утра наступит рай. Рая не будет. Ад уже наступил.

Существование газет не следует относить на счет продолжения политики гласности. Газеты терпят из-за страха — единственного чувства, которое двигало этими свирепыми ублюдками во все времена их правления...

[…]

Как будет кормиться народ, чтобы не сдохнуть? Сажать картошку в скверах, воровать у нищих, приспосабливаться к власти.

Национального самосознания у народа нет и в общем никогда не было.

Отстрелять пару миллионов (даже не один процент населения) ничего не стоит.

Любовь Попова. Раннее утро. 1914

А Запад? А Западу насрать. Запад слишком прагматичен, чтобы водить за ручку слабоумного русского алкаша.

Демократы ведут философские разговоры — влезет ли верблюд в игольное ушко. Не влезет. Основной упор власти — против частной собственности, против приватизации, против фермерства, против торгового посредничества.

К какой партии вы принадлежите? Какой идиотический вздор! Я лично принадлежу к той партии, которая хочет пахать, сеять и продавать продукт своего труда. Я принадлежу к той партии, которая хочет, чтобы у детей не было авитаминоза.

Слушайте, ну кто вам отдаст эту партийную собственность? Что вы валяете дурака?

Все современные респектабельные богатства в начале своего развития имели самые гнусные способы первичного накопления. Грабежи, шулерство, воровство, обман, подлоги. Потом эти грабители, шулера, воры, обманщики и мошенники вынуждены уже были вести свои

дела более или менее цивилизованно. Дети их, а уж внуки подавно, заняли места в Кембриджах, стали филантропами и заняли посты президентов благотворительных фондов.

Не все, далеко не все воры выдержали конкуренцию себе подобных, потому что не все они, далеко не все оказались способными к ведению дела. Они разорились, продав, променяв, промотав награбленное. То же самое произойдет с нашими партийными хапугами. Присваивая награбленное у народа, они против своей воли создают рынок, который распорядится капиталами нормально.

Возможно, какой-нибудь Тютькин окажется талантливым коммерсантом. Был секретарем обкома или членом ЦК, а стал предпринимателем. Мы, современники его, влекомые справедливостью, будем возмущаться: как так? Взяточник, ворюга и вдруг — хозяин завода! Ну и хрен с ним! Дети его уже вынуждены будут подчиняться диктату рынка. А не подчинятся — вылетят в трубу. Но среди нынешних бандитов очень немного талантливых коммерсантов. Они вылетят в трубу скоро, уже в первых схватках со своими обкомщиками и цекашниками-однокашниками. Они хотят присвоить награбленное? Пусть! Это единственный путь заинтересовать их введением рынка. Будете вопить о справедливости — они вас подавят танками. В их руках и заводы, и колхозы, и танки.

Отдайте какому-нибудь Стародубцеву колхоз. Пока этот колхоз подпитывается госбюджетом, Стародубцев живет, не нарадуется. А когда колхоз станет его собственностью — он почешется насчет производительности труда, насчет прибыли, насчет доходов. Сможет самоокупиться — исполать, не сможет — вынужден будет продать имение тому, кто сумеет взять доход.

То же самое с заводами. Пока все это добро в одних руках — у них один источник самоуспокоения: государственный бюджет, то есть грабеж населения. А растасканное по кланам богатство само по себе сделается источником внутривидовой драки, конкуренции. Они будут отхватывать друг у друга куски и терять их. Они объединятся с «теневой экономикой», в которой гораздо больше разбойников, чем талантливых коммерсантов.

Конечно, понадобится время, прежде чем экономика наберет правильный ход. Но таковы законы первичного накопления. С этим ничего нельзя сделать. Пусть воруют, пусть грабят, пусть отымают. Но это воровство построено на личном интересе. И пока в действие не войдет личный интерес нынешних распорядителей всенародного хозяйства, говорить о его оздоровлении просто нелепо.

Они уже смирились с наступлением рынка. Они уже исподволь влезают под своими и под чужими именами в кооперативы, совместные предприятия, в фикции — лишь бы урвать, присвоить… [нрзбрч]. Им пока еще кажется, что деньги (башли, бабки) растут в ведомостях. Но скоро, очень скоро они увидят, что их надо зарабатывать. Пускай увидят! Не загоняйте их в подполье своими идиотскими рассуждениями насчет справедливости. Дайте им воровать открыто! И они погибнут, провалятся, прогорят. Кроме, пожалуй, немногих, кому дано от Бога быть предпринимателем.

А пока они будут осваивать присвоенное — вырастет подлесок мелких и средних владельцев-умельцев, тех самых, которые, собственно, и являются основой здоровой экономики.

Кончайте со справедливостью! Пускай ворюга не прячет своих миллионов! Пускай он их вкладывает в дело. Если он бездарен, он прогорит. Если он одарен — дай ему Бог.

Благо нации в открытой, поощряемой собственности.

И забудьте свои номера с марксистско-ленинской справедливостью.